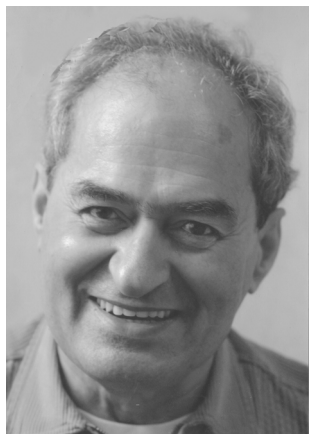

Люди города

Ролан Нотман

ВЛАСТЬ И ЛИЧНОСТЬ

Заметки писателя

Кажется, что в России пропали... личности. Все больше какая-то мелкота «скачет» по разным экранам. Людей масштаба Сахарова и Солженицына попросту нет, если судить по нынешним СМИ. Даже тех нет, которых со снисходительным уважением можно отнести к ним. Да и о них рассказывают крайне редко, как будто боясь, что они воруют время у постаревших примадонн, организаторов совершенно идиотских соревнований и, конечно, у рекламы. Но для любого звучного сейчас имени, даже явно бесталанного, наше телевидение и пресса открывает ворота. Дурновкусие победило и интеллект, и культуру.

До сих пор читаю «Комсомольскую правду», свою любимую газету с юности, хотя уже давно отторгаю первополосные материалы, публикуемые в ней. А они о том, какой популярный артист из нынешних удрал со своей свадьбы с другой девушкой, кто сколько раз женился и разводился, кто из них и что построил для себя, сколько потратил, заработал, с кем подрался и что заказал в ресторане. Признаюсь откровенно: это совсем не интересно. Скажу даже грубее: мне на это, как читателю, глубоко наплевать. И если бы «Комсомолка» не сохранила остроту и постоянство в сво-

их публикациях по другим темам и проблемам жизни, то изменил бы своей преданности газете и отказался бы от нее.

У желтизны, с разными приколами и завлекалочками, тоже должны быть пределы. Пусть и под напором власти, хотя автор этих заметок, как писатель и журналист, против, конечно, любых форм цензуры.

Нахлебался за жизнь этой цензуры вдосталь, работая только в одной областной газете Новосибирска на разных должностях сорок два года. Но с нынешней всеядностью примириться все равно не могу. Подташнивает.

В последнее время пресса, в том числе и любимая когда-то «Комсомолка», стала в своих публикациях уделять внимание палачам. В частности, Лаврентию Павловичу Берия, который, будто сочувствуя жертвам ГУЛАГа и террора, сообщал в опубликованном в газете дневнике, что «людей жалко, но расстреливать надо». Это «надо» было для меня, как удар плеткой по глазам.

Среди родни автора публикуемых заметок, новосибирской и питерской, около двадцати человек пострадали под это зловещее «надо». Хотя родители, как и все остальные родичи, были убежденными и честными советскими людь-

ми, без малейших прегрешений перед властью. Отец, Константин Вильгельмович Нотман, ушел на фронт советскую власть защищать в 16 лет. Революционный романтизм вскружил голову и ему. Потом он окончил военное училище и петроградский университет. Преподавал в ЛГУ, занимал одно время пост декана.

В 1937 году его расстреляли в Магадане. Через месяц там же расстреляли его младшего брата, Михаила Вильгельмовича Нотмана, который был железнодорожным инженером, успевшим до ареста построить шесть мостов.

После войны для нас, детей «врагов народа», войти в узкий слой образованных людей оказалось не просто.

Но далеко не все выглядело безнадежно. Мы с братьями еще учились в школе, когда арестовали нашу маму и угнали в тот же ГУЛАГ, где она, кандидат исторических наук, а потом (уже после реабилитации) и доктор наук экономических, профессор, семь лет работала на лесоповале и на щипке слюды. В число «врагов народа» попали и две ее родные сестры, профессионально изучавшие творчество Гоголя и Аксакова и историю своей страны. Что тоже было, как оказалось, опасным занятием.

А мужья их, конечно, были расстреляны или отсидели в тюрьмах десятилетия.

Еще один палач, «попавший» в прессу последнего времени, – это следователь Свердлов, родной сын того самого Якова Михайловича, который на заре советской власти был одним из первых лидеров страны. Где бы этот следователь ни появлялся после того, как главный палач с усами отправился на тот свет, везде мгновенно возникала зловещая тишина. Никто при нем даже говорить не хотел. Потому что редко кто из следователей мучил русскую и другую интеллигенцию на допросах в ГУЛАГе так, как этот сын «великого» вождя. Он терзал людей с особым тщанием и изобретательностью.

Вспоминая все это, повторю очевидное ныне обобщение: террор был природой советской власти. Даже в том случае, когда власть предпринимала совершенно справедливые и необходимые дей-

ствия, что не признавать тоже попросту глупо. Например, именно при советской власти образование стало массовым и доступным. Такой тяги к знаниям в России ранее никогда не было. Дети рабочих и крестьян не просто учились с редким упорством, но даже с каким-то остротением.

Всегда учитывая мандатные данные, власть, тем не менее, косо и снисходительно смотрела на то, что дети и из семей «врагов народа» учились в вузах и получали образование. Им, конечно, многое было недоступно, и равенства возможностей не существовало. Однако высшее образование они все же получали. Пусть в вузах «второго плана», но получали. Например, с моим родным братом, Генрихом Войтоловским, мы окончили вузы, когда мама еще сидела в ГУЛАГе. И к тому времени, когда ее реабилитировали, у нас уже были дипломы.

Генрих закончил в столице Мосрыбвтуз. Тогда над абитуриентами, которые в нем учились, молодежь посмеивалась, считая, что это некий причал для посредственностей. Но, как ни странно, с годами этот вуз стал первоклассным. Ему, в том числе, помогло и то, что в нем осела профессура и другая интеллигенция, которая не устраивала власть в элитных вузах то по национальности, то по фамилии, то по радикальным высказываниям. Но студентам эта «особинка» пошла впрок. Изгнанные профессора, в условиях террора и подозрительности власти, оставались прекрасными педагогами. Помню, что и в нашем скромном педагогическом институте, где я учился, историю Англии преподавал академик Кон, а переводом с нами занимался Акопян, который в совершенстве знал восемь языков, в том числе и латынь.

Плоды профессионального просвещения со временем сказались на учениках. Мой брат Генрих незадолго до смерти приехал из Москвы в Калининград, куда Мосрыбвтуз был из столицы много лет назад переведен, и увидел свой портрет на стенде «Наши лучшие ученики». Что ж, это было заслуженно – Генрих стал доктором наук, профессором, очень известным в стране мореведом, и его ученики... и книги работают поныне в Мос-

кве, Питере, Владивостоке и в том же Калининграде.

В России часто трагедии и успехи «соседствуют». Канувшая в лету власть обращалась и со своими специалистами если не как с рабами, то уж, точно, как с винтиками.

– Выбор для ученых часто был не велик, – сказал мне недавно Николай Леонтьевич Добрецов, академик с мировой известностью. – Это выбор между расстрелом и «шарашкой», покорным подчинением и бессмысленным в тех условиях протестом.

Чуть что – и исчезали в... никуда специалисты, которые или были гордостью нации, или имели все основания войти в узкий и бесценный слой интеллигенции.

Но, как ни странно, даже в таких рамках, советская власть возвращала из своих, ею обученных специалистов, феноменальных по таланту и по вкладу в развитие страны личностей. Они преодолевали любые трудности и не изменяли самим себе ни при каких обстоятельствах. Вспоминая эти имена, назыву, прежде всего, имя академика Андрея Алексеевича Трофимука. Недавно к его столетию со дня рождения вышла в свет книга «Академическая когорта». Книга на редкость интересная и поучительная и, казалось бы, далеко стоящая от природы тотального террора. А вот все равно:

«Россия воспитывала не только бойцов, но и несгибаемых творцов, отмеченных судьбой редкостным талантом, волей и смелостью».

Что их духовно питало и поддерживало, откуда эта сила самостоятельности и сопротивления всему тому, что было во вред народу и стране?! Простой ответ едва ли легко найти. Истоки патриотизма также сложны у нас, как и истоки культуры. Они, вне всякого сомнения, выросли и из природы самого советского строя, рабоче-крестьянского, и его интересов. То, что провозглашал этот строй, воодушевляло народные массы и звало не только к приобретению знаний, положим, или денежным средствам, но и к самоотверженности, к жертвенности и к вере во власть. Она была своей, понятной.

Власть хорошо знала жизнь, и ее переживание замечалось народом медленно. Но хорошо знали жизнь страны и такие люди, как Трофимук. Они вышли из низов, бедняков. И чтобы подняться, им пришлось многое пережить, несмотря на провозглашенные лозунги о светлом будущем и чуть ли не близком всеобщем счастье.

Андрей Алексеевич без матери остался в семь лет. А потом он остался без брата, которого убили. Еще один брат вместе с отцом колесил по станциям Западной Сибири, старательно выполняя самую тяжелую работу. Так что Трофимук хорошо знал с детства изнанку реальной жизни. Собственно из этого знания и выросли для Андрея Алексеевича две прописи, которым он никогда не изменял. Первая: не отрываться от своего народа и помогать ему при всех своих регалиях и званиях. А их у него было так много... Они, вроде бы, вполне позволяли этому великому геологу не относиться столь трепетно и внимательно к просьбам и заботам других людей. Тем более что его вклад в развитие страны был попросту огромен. Свой давний, давно опубликованный очерк о Трофимукe я не зря назвал «Триллионер» с несдающейся душой». Потому что выгода для государства от знаний, открытий, работы Трофимука исчислялась миллиардами. Больше того: она оказалась... долгоиграющей. Например, Трофимук вместе со своими учениками и коллегами еще в 1960 году... впервые теоретически обосновал нефтегазоносный докембрийский период, из которого, в частности, вытекала и такая суть, что Сибирь попросту сидит на нефти. Суть, не устаревшая до сих пор и обогащающая и поныне науку и практику.

Вторую пропись Андрея Алексеевича можно сформулировать так: не отступать перед обстоятельствами, не сдаваться перед трудностями, если веришь в их преодоление, рисковать ради справедливости и правды. И даже тогда, когда опасность и поражение кажутся неотвратимыми.

Недавно с досадой и раздражением смотрел телепередачу на тему «Нужны ли нам моральные авторитеты?»

Мне сама постановка вопроса каза-

лась кощунственной. Потому что в предложенном для обсуждения вопросе слышался уже запрятанный ответ: конечно, не нужны.

Не то, мол, время, да и перевелись такие авторитеты. Где они могут появиться, когда страну разъедает коррупция, а нищета народа остается массовой? Не до жира, быть бы живу. Какие уж тут моральные авторитеты...

Но это, как полагаю, не только заземленный и поверхностный взгляд на наш народ и сплошь разруганную сегодняшнюю жизнь, которая нас окружает. Моральные авторитеты, особенно в России, склонной жить скорее вопреки, чем как надо, и развиваться во все времена и в любых обстоятельствах, были всегда. И сегодня они есть. Один из них, бесспорно, – это академик Андрей Алексеевич Трофимук. Он ушел из жизни недавно, но его знания, жизненная позиция, наконец его бескомпромиссность в неутраченной борьбе за государственные интересы, позволяют считать Трофимука не только выдающимся геологом, но и моральным авторитетом в истории отечественной науки. Именно мораль и его жизненная позиция, а отнюдь не только служебное положение первого заместителя председателя СО РАН заставляли Андрея Алексеевича Трофимука занимать еще тридцать «неоплачиваемых должностей». В том числе, и должность директора Института геологии и геофизики, одного из крупнейших в Сибирском отделении, да и во всей академической науке страны.

Трофимук был депутатом Верховного Совета России четырех созывов, председателем научных советов и комитетов такого количества, что перечислять их в любом тексте будет утомительно для читателя. Но особое место в его работе занимал Научный совет Сибирского отделения по проблемам Байкала. Андрей Алексеевич был едва ли не самым эрудированным и страстным защитником этого уникального озера. Героем социалистического труда он стал еще в войну за открытие нефтяных месторождений.

За жизнь он получил пять орденов Ленина, был не раз лауреатом самых высоких государственных премий за другие работы. Но душу свою он отдал

защите Байкала, хотя и не достиг того результата, которого добивался. Власть на этот раз оказалась сильнее. В том числе, и потому, а это горько признавать, что его не поддержали, а если честнее написать, то и обманули очень влиятельные люди. Трофимук доверял им безмерно. Один из них был президент АН СССР М. В. Келдыш. Это у него в кабинете Андрей Алексеевич стучал кулаком по столу и кричал в лицо главному теоретику отечественной космонавтики: «Вы, выдающийся ученый, а нас обманули в позиции по Байкалу, хотя и обещали поддержку».

В этой борьбе нравственная позиция Трофимука как морального лидера и неслышимого гражданина страны проявилась в полной мере и заслуживала, конечно, если не шестого ордена Ленина, то уж точно, что признания народа. А что может быть выше этого?!

Однако власть не сдавалась. Она с беспощадной маниакальностью доказывала, как написано в книге к столетию Трофимука, «безопасность целлюлозно-бумажного производства для экосистемы озера Байкал». Идеологом этой точки зрения был академик Жаворонков, который «мыслил с размахом». Он предлагал развернуть на Байкале не одно производство, а даже два, а то и три. Мол, Байкал большой, он стерпит. Но никаких безобразий стерпеть не мог Трофимук. Он был неукротим. В качестве варианта давней борьбы за Байкал, в котором двадцать процентов мировых запасов пресной воды, он предложил назначить его самого директором лимнологического института СО РАН (в сущности, института по проблемам Байкала). Но куда там! В России почти любая власть непокорных не любит и редко поддерживает. В ней, начиная с Брежнева, которому Трофимук писал гневные письма, хорошо знали, какой характер у Андрея Алексеевича. Тем более что он никогда не скрывал, кому он еще посылал протестующие письма. Эта особенность настоящего интеллигента – работать в открытую, никогда не скрывая своей принципиальной позиции, что тоже раскрывало его как морального лидера.

Конечно, среди московских «пикетных жилетов» – так иногда характеризую-

ют столичную академическую верхушку – поведение Трофимука, его гневное хлопанье по столу в кабинете самого президента Академии наук было осуждено. Но Андрей Алексеевич не останавливался. Он продолжал борьбу. Трофимук отправлял одно за другим письма Брежневу, аккуратно в них перечисляя все те инстанции и тех руководителей, которым он уже писал о проблемах Байкала и строительстве на его берегах целлюлозного комбината. Конкретно уточняя при этом беспринципную позицию и некоторые академиков.

С безнравственностью он боролся с молодых лет. При защите еще кандидатской диссертации его официальный оппонент мстительно выискивал недостатки в представленной работе почти на каждой странице. Это ничуть не испугало Андрея Алексеевича. Он доказал свою правоту и убедил ученый совет, что сделанные замечания «не имеют ничего общего с объективностью». Больше того: он назвал критику оппонента жульничеством. В итоге весь ученый совет, за исключением официального оппонента, проголосовал за работу Трофимука.

Моральные лидеры побеждают не только знаниями, но и правдой, принципиальностью. И в России они не переводятся. Только надо еще их разглядеть и поддержать.

В связи с этим утверждением не могу не вспомнить еще одну историю из судьбы Трофимука. Просто, как по накатанному, его жизнь никогда не складывалась. А в войну – тем более. Тогда риск был на грани победы или гибели.

Так было, к примеру, с открытием Кинзобулатовского месторождения нефти в Башкирии, расположенного вблизи Ишимбаевских нефтепромыслов. А тогда шел 1942 год. Для усиления аргументации дословно процитирую «кусочек» из книги «Академическая когорта».

«Геологи бурят одну скважину за другой, тратят деньги, когда каждый рубль нужен обороне страны, а нефти нет.

Но геологи убеждены, что нефть найдут под коралловыми рифами. И они нашли нефть, но не под рифами, а над ними, в уже пробуренной скважине. И здесь забил фонтан нефти, который был в десятки раз больше, чем дебиты всех

известных тогда месторождений страны».

Казалось бы, теперь ликуй, торжествуй! Но не тут-то было. В Башкирии новый начальник КГБ стряпает против геологов «вражеское» дело. А как же иначе в те, культовые, времена?! Присылается для проверки комиссия, которая формулирует заключение: геологи, у которых главный геолог Трофимук, хотели скрыть крупное нефтяное месторождение. Но им не удалось, «так как ударил такой фонтан, что он выбил кусок породы» И все, мол, выявилось.

Естественно, обнаруженное «преступление» геологов стали обсуждать на заседании бюро обкома партии. Как же тогда без него?! И если бы не два человека... Это Трофимук и Байбаков. Они выступили против осуждения геологов.

Трофимук, со свойственной ему прямотой, откровенно сказал:

– Вы – бессовестные люди! Мои геологи проявили героизм, открыли новое месторождение, а вы хотите их посадить.

А Байбаков, первоклассный специалист, был тогда наркомом нефтяной промышленности, а позднее стал председателем Госплана, доказал, что геологи ни в чем не виноваты.

Думается, что этот случай дает повод для самых разных размышлений на тему «Власть и личность».

Первое, что словно само напрашивается: наша власть во времена сталинизма была объята страхом и, прежде всего, верила подозрениям, а не аргументам. Тем более что она не служила, а выслуживалась.

В нашей истории лизоблюды столько раз главенствовали, что их вполне можно причислять к авторам революций, террора и нищеты народа. Восстания и протест трудовых масс, вражда «к верхам» в значительной степени на их совести, а вернее – на их бессовестности. Из того, на чем они настаивали, многое чаще всего заканчивалось банкротством. А правду отстаивали такие демократы, как Трофимук.

Васти легче и удобнее было не верить, чем верить. Такие человеческие качества, как правдивость и прозорливость, властителям часто казались подозрительными, иллюзорными и какими-то чужими, «не нашими». Казалось бы,

Трофимуку можно было верить: он доказал это такими практическими успехами и столь большим вкладом в науку, что сомневаться в его правоте было просто нелепо. Но, нет! У нас сначала надо (ох уж эти «надо»!) унижить и оскорбить человека недоверием, а уж потом наградить золотой звездой. И Андрей Алексеевич получил эту звезду, когда еще шла война. А через много лет после нее другой геолог академик Алексей Эмильевич Конторович написал: за четыре военных года «Трофимук пробурил в Башкирии столько скважин, сколько до него пробурили за десять лет». И сравнил научные результаты работы Трофимука с выигранным сражением.

И это не преувеличение. Трофимук, в сущности, сражался всю жизнь. Его борьба благотворно отозвалась не только, положим, в среде геологов, но и в работе других ученых и институтов СО РАН. Жизнь Андрея Алексеевича – высокий пример для подражания. Если вспомнить хотя бы, что в годы пренебрежения власти к академической науке только в СО РАН не погибла и не распалась ни одна научная школа. Очень помогала этому и среда, сложившаяся в этих школах. Трофимук был один из первых, кто этому всячески способствовал. Он боролся за правду тоже... с остервенением. Примером тому может служить его отказ от ордена во времена Ельцина, когда горечь Андрея Алексеевича дошла до предела при возрастающем пренебрежении власти к академической науке.

Думается, что за этим отказом стоял не только демонстративный протест. По природе своей Андрей Алексеевич человеком был очень демократичным. Это хорошо проявлялось в его отношениях с людьми. Он никогда не прерывал их, если другие ученые были с ним не со-

гласны и даже выступали против его идей и предложений. Бывало и так, когда в дискуссиях он оставался и совсем один со своей точкой зрения. Но чтобы он при этом отдалялся от других, держал обиду, а тем более препятствовал научному росту своих коллег – этого не было никогда. Его доброжелательность и внимание распространялись на всех. Хотя он любил и умел рисковать даже при решении научных и государственных задач. В том числе, и потому, что чаще всего оказывался прав.

Но уж если неправота была очевидной, вредной и даже наглой и опасной по последствиям, то Андрея Алексеевича, что называется, несло. Он был боец с несправедливостью бесстрашный и даже отчаянный. В борьбе против зла он себя не щадил. При этом его жизненная активность не угасала до конца. Он воодушевлялся новыми идеями и предложениями, любил охоту и рыбалку, ценил людей талантливых даже в том случае, если они к геологии не имели никакого отношения.

В моих очерках о Трофимуке, которые вошли в книгу «Академическая когорта», подчеркивалось, что в СО РАН Андрея Алексеевича не только уважали как аналитика и демократа, но и любили за его человечность, сердечность, поступки и потому, что он в своей геологии думал скорее не формулами, а образами. Рискну утверждать, что эта поэтичность свойственна многим геологам. Они связаны с природой напрямую. Она их воодушевляет и вдохновляет. Прекрасная профессия! В которой всегда есть эрудиты и моральные авторитеты. Достаточно вспомнить Андрея Алексеевича Трофимука. Во власти, прошлой и нынешней, ни одного такого человека, не помню. А жаль... Впрочем, это совсем другая профессия.
